

Сашиа Вей

В плену у боса-тирана

18+

Саша Вей

В плену у боса-тирана

«Автор»

2026

Вей С.

В плену у боса-тирана / С. Вей — «Автор», 2026

Моя красота всегда была безотказным оружием, пока я не устроилась к нему на работу. Миллиардер, архитектор теневых схем и хладнокровный социопат, для которого я — лишь удобная функция. Год я была его идеальной помощницей, сходя с ума от его жестокого контроля. Моя одержимость им стала токсичной и толкала меня на безумные поступки. Когда я узнала, что криминальный синдикат приговорил его к смерти, я нарушила все правила. Я взломала серверы и выкрала компромат, чтобы спасти мужчину, которого любила больше жизни. Теперь за нами открыта охота. Элитные наемники штурмуют небоскреб, и у нас есть всего одна ночь, чтобы выжить. Чтобы спасти своего Короля, гламурной кукле придется взять в руки пистолет и научиться убивать. Я добровольно спустилась за ним в ад. И я уже не вернусь прежней. Мрачный эротический триллер о власти, крови и всепоглощающей любви, в которой нет места правилам.

© Вей С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Саша Вей

В плену у боса-тирана

Пролог.

В философии наслаждения есть негласное правило, о котором предпочитают умалчивать моралисты: наивысшая точка экстаза всегда граничит с абсолютным, первобытным ужасом. Истинная страсть не терпит безопасности. Она требует жертвы. Она требует, чтобы ты шагнула на самый край пропасти, закрыла глаза и позволила мужчине, стоящему за твоей спиной, решить — столкнуть тебя во тьму или удержать над ней.

Я стояла на этом краю, на пятьдесят четвертом этаже башни «Меркурий», пока за панорамным окном бушевала ночная гроза. Дождь хлестал по толстому стеклу, словно пытаюсь смыть грехи этого города, но здесь, внутри кабинета, воздух был сухим, наэлектризованным, пропитанным запахом дорогого сандала и моего собственного, сводящего с ума страха.

Несколько минут назад я совершила преступление, которое стоило мне моей прежней жизни. Я украла данные, способные обрушить криминальную империю. Но сейчас, глядя в глаза мужчины, ради которого я пошла на это безумие, я понимала, что главное мое преступление — это то, как отчаянно, как больно я хотела принадлежать ему.

Александр Введенский. Мой босс. Мой палач. Мой темный бог.

Он стоял передо мной, идеальный, как античная статуя, высеченная из черного мрамора и арктического льда. В его безупречно скроенном костюме-тройке не было ни единой складки. Его серые глаза — два резервуара с замерзшей ртутью — не выражали ни паники от воющих где-то внизу сирен, ни гнева на мою дерзость. В них читалось лишь тяжелое, темное, собственническое голодание. Он смотрел на меня не как на свою ассистентку. Он смотрел на меня как на женщину, которая только что добровольно принесла свою жизнь к алтарю его власти.

— Ты дрожишь, Ева, — его голос, низкий, вибрирующий, скользнул по моей коже, как бархатный хлыст.

— Мне не холодно, — выдохнула я, и это была чистая правда. Мое тело горело в лихорадке. Кровь тяжелыми, густыми толчками пульсировала в венах, скапливаясь внизу живота мучительным, тягучим ожиданием.

Александр сделал шаг вперед. Тишина между нами была настолько плотной, что я слышала, как шуршит ткань его брюк. Он поднял руки, и его длинные, сильные пальцы — те самые, что с холодной расчетливостью подписывали приговоры конкурентам, — легли на воротник моей шелковой блузки.

В его движениях не было суеты. Не было той торопливой, животной похоти, к которой я привыкла в прошлой жизни, когда мужчины сходили с ума от моей красоты. Александр действовал с грацией хирурга и властью жреца.

Медленно, пуговицу за пуговицей, он расстегнул мою блузку. Тонкий изумрудный шелк соскользнул с моих плеч, мягкой лужей оседая на ковре. Я осталась стоять перед ним в черном французском кружеве бюстгальтера, не смея отвести взгляд. Мое дыхание сбилось, грудь высоко вздымалась. Я чувствовала себя обнаженной до самых костей, хотя на мне еще была одежда. Его взгляд проникал глубже плоти — он сканировал мою душу, находя там абсолютную, кристально чистую покорность.

Он не стал расстегивать застежку кружева. Вместо этого его ладони скользнули по моей талии, обхватили меня и рывком, демонстрируя пугающую мужскую силу, усадили на край массивного стола из черного дерева.

Мои бедра коснулись прохладной полированной поверхности, сметая на пол какие-то важные финансовые отчеты. Но сейчас в этом мире не было ничего важнее того факта, что Александр Введенский встал между моих раздвинутых колен.

Он наклонился, опершись руками о край стола по обе стороны от моих бедер, запирая меня в ловушку своего тела. Запах его парфюма — черный перец, кедр и мускус — смешался с ароматом моего собственного, тяжелого женского мускуса, пробивающегося сквозь тонкую ткань белья.

— Ты сломала мою систему, — прошептал он, и его губы оказались в миллиметре от моей шеи. Его дыхание обожгло чувствительную кожу за ухом, заставив меня инстинктивно выгнуть спину. — Ты перешла черту, за которой нет возврата.

— Я сделала это для тебя... — мой голос сорвался на тихий стон, когда его зубы слегка, дразняще прикусили мочку моего уха.

— Ты сделала это, потому что хотела, чтобы я увидел тебя. Чтобы я взял то, что ты предлагала мне каждый день, принося этот чертов кофе в семь сорок пять, — жестко, с пугающей пронизательностью отрезал он.

Его пальцы скользнули под край моей узкой юбки-карандаш, нащупывая резинку чулок и гладкую, влажную от испарины кожу бедер. Я непроизвольно подалась навстречу его руке, сгорая от нетерпения. Мои ногти впились в ткань его идеального пиджака, сминая её.

Он нашел то, что искал. Тонкая ткань белья, насквозь пропитанная моим ожиданием, больше не была преградой. Александр не стал раздевать меня до конца. В этом извращенном контрасте — я, полураздетая, раскинутая на корпоративном столе, и он, закованный в броню дорогого костюма, — скрывался наивысший, изысканный эротизм подчинения.

Его пальцы, прохладные и уверенные, проникли в мою плоть. Я вскрикнула, запрокидывая голову. Вспышка ослепительного, пронзающего удовольствия ударила в мозг. Его прикосновение было требовательным, ритмичным, оно не просило разрешения — оно брало свое.

Я извивалась на прохладном дереве стола, как птица, пойманная в силки. Каждое движение его пальцев высекало из меня искры. Границы моего «я» стирались. Я забыла свое имя, забыла о том, что я гордая, неприступная красавица. Я превратилась в пульсирующий комочек нервов, расплавленный воск в руках жестокого скульптора.

— Открой глаза, Ева, — приказал он.

Я с трудом подняла тяжелые веки. Он смотрел на меня сверху вниз, и его зрачки были расширены, почти полностью поглотив серую радужку. В этот момент я увидела дьявола, который сорвал с себя человеческую маску.

Его рука покинула мое тело, оставив меня на грани мучительной пустоты, звенящей от неудовлетворения. Я протестующе заскулила, потянувшись к нему, но он лишь жестко перехватил мои запястья одной рукой, подняв их над моей головой и прижав к полированной поверхности стола.

Свободной рукой он расстегнул ремень своих брюк. Звук металлической пряжки в тишине кабинета прозвучал громче грома за окном.

— Ты хотела стать моей, — его голос стал хриплым, утратив свою идеальную ровность. — Так прими это.

Он вошел в меня одним мощным, неотвратимым движением.

Боль, острая и обжигающая от недостатка подготовки и его звериного напора, пронзила меня насквозь, но мгновенно, словно по волшебству, трансформировалась в экстаз такой силы, что перед глазами вспыхнули белые круги. Плотность его плоти внутри меня была абсолютной. Я была заполнена им целиком, без остатка.

Мой крик потонул в раскате грома.

Александр начал двигаться. Его толчки были глубокими, выверенными, безжалостными. Он не занимался со мной любовью — он утверждал свою власть, он клеймил свою территорию. Каждое его движение отдавалось вибрацией в массиве стола из черного дерева.

В этом акте было что-то глубоко сакральное. Ритуал разрушения и созидания. Моя бывшая независимость, моя спесь и мое эго разбивались вдребезги о его безраздельную силу. Я чувствовала себя сосудом, который годами стоял пустым, звеня от собственной никчемности, и который теперь до краев наполнялся темным, тяжелым, пьянящим вином его сути.

Я обхватила его талию ногами в тонких чулках, притягивая его всё ближе, жажда раствориться в нем. Мои связанные над головой руки дрожали. Я кусала губы до крови, чтобы не потерять сознание от нахлынувшего сенсорного перегруза.

Александр наклонился, его грудь, скрытая под крахмальной рубашкой, прижалась к моей обнаженной коже. Его губы нашли мои. Это был поцелуй, пропитанный вкусом власти и крови — он грубо смял мои губы, его язык проник в мой рот так же глубоко и собственнически, как его тело проникало в мое. Мы слились в единый, монолитный механизм, дышащий в унисон,двигающийся в одном диком ритме.

Напряжение росло, закручиваясь в тугую спираль внизу моего живота. Я балансировала на самом острие ножа, чувствуя, что еще одно движение, еще один дюйм его близости — и я сорвусь в бездну.

Он почувствовал это. Социопат, читающий людей как открытые книги, он чувствовал каждое сокращение моих мышц.

Его ритм стал неистовым. Он больше не контролировал себя. Маска слетела окончательно. Низкий, мужской стон сорвался с его губ, вибрируя в моем горле.

Волна оргазма накрыла меня с такой силой, что я выгнулась дугой, отрывая лопатки от стола. Мое тело забило в сладких, тяжелых конвульсиях, разлетаясь на тысячу осколков света и тьмы. Я кричала его имя прямо в его губы, пока он, совершив последний, самый глубокий толчок, не замер во мне, изливаясь с дрожью, выдавшей его собственную, скрытую от всего мира уязвимость.

Мы остались лежать на столе, тяжело, прерывисто дыша. Его вес придавливал меня к прохладному дереву, но я не хотела, чтобы он уходил. Его рука, всё еще удерживающая мои запястья, медленно расслабилась. Пальцы скользнули вниз, переплетаясь с моими.

Александр поднял голову. На его виске блестела капля пота. В его серых глазах, вернувших свою ледяную прозрачность, больше не было стены. Он смотрел на меня так, как смотрят на единственное ценное сокровище в сгоревшем мире.

Он наклонился и нежно, почти благоговейно, поцеловал меня в уголок искусанных губ.

В этот момент, лежа на разгромленном столе, пропитанная его запахом и своим подчинением, я знала, что за дверями этого кабинета нас ждет ад.

Эта ночь должна была стать нашей последней. Но она стала лишь прелюдией.

Глава 1.

Кровь на белоснежном ворсе ковра выглядела как издевательство. Идеальный, геометрически выверенный мир Александра Введенского не терпел грязи, ошибок и хаоса. Но прямо сейчас я, тяжело дыша и зажимая ладонью рваную рану на бедре, разрушала его святая святых — кабинет на пятьдесят четвертом этаже башни «Меркурий».

Я всегда знала, что моя любовь к нему закончится катастрофой, но даже в самых смелых и больших фантазиях не предполагала, что эта катастрофа будет пахнуть порохом, женой проводкой и моей собственной кровью.

За дверью из матового стекла, в длинном коридоре, погруженном в пульсирующий красный свет аварийной сигнализации, слышались шаги. Тяжелые. Размеренные. Звук подкованных ботинок, ступающих по мрамору, отдавался в моих висках ударами молота. Они искали меня. Вернее, они искали флешку, которая сейчас обжигала холодом металла мою кожу, спрятанная в вырезе разорванной шелковой блузки.

Я крепче перехватила тяжелую рукоять «Глока». Мои пальцы, украшенные безупречным французским маникюром, дрожали, скользя по вороненой стали. Какая ирония. Девушка с обложки, лицо рекламной кампании, та, чей номер телефона пытались купить за шестизначные суммы акулы бизнеса, сидит на полу под столом из черного дерева, словно загнанная крыса, и готовится убить человека. Или умереть сама. И всё это — ради мужчины, который за год работы ни разу не назвал меня по имени, предпочитая холодное, обезличенное «ассистент».

Как я до этого дошла? Как позволила ледяному взгляду серых глаз разрушить мой инстинкт самосохранения?

Вся моя жизнь до встречи с Введенским была чередой легко взятых высот. Моя внешность — высокие скулы, миндалевидные зеленые глаза, идеальная фигура — всегда была моим главным оружием, безотказным пропуском в мир, где решают всё связи и деньги. Мужчины становились пластилиновыми, стоило мне лишь немного улыбнуться или задержать взгляд. Я привыкла к власти, которую давала красота. Я привыкла к покорности.

Но Александр был сделан из другого материала. Из вольфрама и арктического льда.

В тот первый день, когда я вошла в его кабинет в качестве нового личного помощника — должность, которую я получила, играючи обойдя сотню кандидаток, — он даже не поднял головы от монитора.

— Ваш кофе должен быть на моем столе в 7:45. Не в 7:46. Текст договоров проверяется трижды. Если я найду хотя бы одну пропущенную запятую, вы будете уволены. Если вы попытаетесь использовать свой внешний вид для манипуляций в этом офисе — вы будете уволены. Свободны.

Его голос был тихим, ровным, лишенным каких-либо эмоций. Ни намек на восхищение. Ни секунды мужского интереса. Для него я была просто функцией, винтиком в его безжалостной корпоративной машине.

Это должно было меня оттолкнуть. Должно было задеть мое эго, заставить хлопнуть дверью или, по крайней мере, возненавидеть его. Но вместо этого произошло нечто необратимое. Его равнодушие стало для меня наркотиком. Его строгие, граничащие с жестокостью требования — вызовом, который свел меня с ума.

Я начала жить его графиком. Я приходила в офис в шесть утра, чтобы изучить его привычки. Я выучила наизусть все нюансы его бизнеса — грязного, жестокого бизнеса, скрытого за красивыми фасадами инвестиционных фондов. Каждый раз, когда он бросал на мой стол папку с сухим «Переделать. Это непрофессионально», мое сердце пропускало удар. Я жаждала его одобрения так, как умирающий от жажды молит о воде. Я хотела пробить эту броню, заставить его посмотреть на меня не как на сотрудницу, а как на женщину. Я влюбилась в его власть, в его

абсолютный контроль над собой и окружающими. Это была не нежная, романтическая любовь. Это была одержимость. Страсть, разъедающая изнутри, токсичная и всепоглощающая.

И именно эта страсть привела меня сюда. На этот испорченный белыми каплями крови ковер.

Шаги в коридоре затихли. Тишина, повисшая в воздухе, была страшнее любого шума. Я знала, что это значит. Они проверяют серверную. У них есть ровно три минуты, прежде чем программа, которую я запустила с терминала Введенского, безвозвратно сотрет все данные о теневых проводках, спасая его империю. Спасая его самого от пожизненного срока. Или от пули конкурентов.

Я зажмурилась, чувствуя, как по щеке катится горячая капля пота, смешанная со слезами. Боль в ноге становилась невыносимой, но адреналин глушил её, превращая в тупую пульсацию.

Вчера вечером, когда офис уже опустел, я случайно увидела то, чего не должна была видеть. Я задержалась, чтобы в десятый раз перепроверить отчет, надеясь утром заслужить его скупой кивок. Дверь в его кабинет была приоткрыта. Он говорил по защищенной линии. Его голос, обычно ледяной и непоколебимый, звучал напряженно. Я услышала слова «ликвидация активов», «ФСБ» и «утечка». А потом он произнес имя. Мое имя.

«Если она что-то поняла из файлов Синдиката, от нее придется избавиться. Она всего лишь расходный материал».

Эти слова должны были убить мою любовь. Должны были заставить меня бежать без оглядки, спасая свою жизнь. Любая нормальная женщина так бы и поступила. Но я уже давно не была нормальной. Услышав приговор из уст человека, которым была одержима, я не почувствовала ненависти. Я почувствовала лишь жгучую, иррациональную потребность доказать ему свою преданность. Доказать, что я не расходный материал. Что я — единственная, кто может спасти его из той ловушки, в которую он угодил.

И вот я здесь. Взломав систему безопасности, я украла оригиналы файлов, которые могли его уничтожить, и запустила протокол полного стирания на серверах. Я взяла удар на себя. Люди Синдиката, которые пришли за ним, нашли меня. Погоня по темным лестничным пролетам небоскреба, разбитое стекло, выстрел, обжегший бедро... Я действовала на одних рефлексах, движимая безумной комбинацией ужаса и триумфа.

Теперь я сидела в его кабинете, сжимая пистолет, который нашла в потайном ящичке его стола.

Вдруг за окном, во тьме ночной Москвы, сверкнула молния, осветив кабинет холодным неоновым светом. В этот же момент ручка стеклянной двери медленно поползла вниз.

Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Дверь бесшумно открылась. На пороге возникла высокая, широкоплечая фигура. Это был не один из наемников Синдиката. Эти идеальные пропорции дорогого костюма, сшитого на заказ, эту осанку хищника я узнала бы из тысячи.

Александр.

Он стоял в дверном проеме, держа в опущенной руке пистолет с глушителем. Его взгляд, холодный и пронзительный, мгновенно просканировал разгромленный кабинет, остановившись на кровавом следе, ведущем к моему укрытию под столом.

Парадокс ситуации ударил меня наотмашь. Человек, ради которого я только что пожертвовала всем, ради которого совершила корпоративное преступление и чуть не погибла, стоял передо мной с оружием. И я не знала, пришел ли он спасти меня, потому что понял, что я сделала... или пришел завершить работу наемников и лично устранить «расходный материал».

Мое сердце колотилось о ребра, как птица в клетке. Я медленно подняла свой «Глок», направляя дрожащее дуло прямо в грудь мужчине, которого любила больше жизни.

— Ты опоздал, Александр, — мой голос, к моему собственному удивлению, прозвучал твердо, хотя внутри всё сжималось от животного страха. — Данные уничтожены. Оригинал у меня.

Он медленно шагнул в кабинет. Стекло хрустнуло под подошвой его ботинка. Он не поднял пистолет, но и не опустил его. На его идеально симметричном, каменном лице впервые за весь год нашей работы дрогнул мускул. Это не было удивлением. Это было нечто более темное, пугающее и... голодное.

— Ты нарушила правило номер четыре, — его голос, низкий и вибрирующий, заполнил пространство кабинета, пробирая до самых костей. — Никогда не принимать решений за меня.

Он сделал еще один шаг ко мне. Дистанция между нами сокращалась. Угроза стала почти осязаемой, она витала в воздухе вместе с запахом озона от надвигающейся грозы и ароматом его парфюма — сандала и черного перца.

Внутренний конфликт разрывал меня на части. Мой палец лежал на спусковом крючке. Инстинкт кричал: стреляй, он убьет тебя. Одержимость шептала: опусти оружие, отдай ему свою жизнь, если он этого хочет.

Я сглотнула пересохшим горлом, чувствуя, как кровь продолжает пропитывать ковер.

— Сделай еще один шаг, — прошипела я, глядя прямо в его бездонные серые глаза, — и я клянусь, я выстрелю.

Губы Александра медленно изогнулись. Это была не улыбка. Это был оскал хищника, который наконец-то увидел, что его добыча тоже имеет клыки.

— Стреляй, — тихо приказал он, поднимая свое оружие и направляя его мне в голову. — Посмотрим, насколько сильно ты меня любишь.

Слово «стреляй» повисло в душном, наэлектризованном воздухе кабинета, пульсируя в такт красному свету аварийных ламп. Оно не прозвучало как угроза. Скорее, как приглашение. Как призыв к самому интимному танцу, в котором жизнь и смерть сливаются в один неразделимый, пьянящий экстаз.

В этот миг, глядя в бездонную, темную ртуть его глаз, поверх черного, матового дула, нацеленного мне прямо между бровей, я вдруг перестала бояться. Ужас, который еще секунду назад ледяной хваткой сжимал мои внутренности, внезапно расплавился, превратившись в густую, горячую истому, стремительно разливающуюся по венам. Опасность стала самым сильным афродизиаксом, который я когда-либо пробовала. Близость его оружия, абсолютная власть этого мужчины над моим дыханием, над каждым ударом моего сердца пробудили во мне нечто первобытное, темное и невыносимо сладкое.

Я поняла, что Эрос и Танатос — любовь и смерть — в эту ночь решили устроить свое торжество на пятьдесят четвертом этаже, на испорченном кровью ковре.

Моя рука, державшая «Глок», начала слабеть. Тяжесть вороненой стали стала невыносимой, но не от усталости, а от внезапного осознания: я не могу причинить ему вред. Даже если он нажмет на курок, это будет его выбор. Его право. Моя одержимость достигла своего апогея, переродившись в абсолютную, кристально чистую капитуляцию.

Разве не об этом я мечтала каждую ночь, ворочаясь на шелковых простынях? Разве не этой власти я жаждала, когда ловила его скупые, холодные взгляды? Я хотела, чтобы он сломал мою броню идеальной, недосыгаемой красавицы. И вот, я здесь. Израненная, с растрепанными волосами, пахнущая порохом, страхом и влажной женской страстью, которую больше невозможно было скрывать.

Мои пальцы разжались. Тяжелый пистолет с глухим стуком упал на ворс ковра, утонув в карминовом пятне моей собственной крови.

Из моей груди вырвался долгий, прерывистый вздох. Я прикрыла глаза, откидывая голову назад и подставляя ему свое незащитное горло. Я отдавалась ему. Целиком. Без условий и

контрактов. Мое тело, бившееся в лихорадке, превратилось в открытый сосуд, ожидающий, когда его наполнят или разобьют вдребезги.

Тишина стала осязаемой. Я слышала лишь собственное прерывистое дыхание и шорох ткани. Он не выстрелил.

Я приоткрыла веки сквозь пелену влажных ресниц. Александр медленно опустил пистолет. Его лицо, всегда напоминавшее маску античного божества, высеченную из каррарского мрамора, неуловимо изменилось. Исчез строгий руководитель, не прощающий ошибок в запястьях. Передо мной стоял хищник, изучающий свою добычу, осознавший, что она добровольно легла у его ног, обнажив живот.

Он шагнул ко мне. Хруст битого стекла под его туфлями казался мне музыкой. Он не стал прятать оружие. С грацией крупного зверя он опустился на одно колено прямо в лужу моей крови, пачкая безупречную ткань своих брюк, сшитых на заказ на Сэвил-Роу. Этот жест — пренебрежение собственным лоском ради меня — заставил сладостную судорогу скрутить мой низ.

— Ты уронила свое оружие, моя смелая девочка, — его голос изменился. В нем больше не было льда. Он звучал низко, бархатисто, вибрируя где-то на уровне моих ключиц, проникая под кожу, как теплое масло. Впервые за год он назвал меня не безликим словом, а так, словно пробовал меня на вкус.

Он протянул свободную руку. Его длинные, сильные пальцы, те самые, что с холодной точностью подписывали многомиллионные сделки, прикоснулись к моей обнаженной ноге, чуть выше рваной раны на бедре.

Я судорожно выдохнула, когда его тепло встретилось с моей пылающей кожей. Боль от пулевого ранения, которая до этого была острой и пульсирующей, вдруг трансформировалась под его пальцами. Она стала частью наслаждения. Его прикосновение было властным, изучающим. Он медленно провел большим пальцем по краю раны, собирая каплю моей свежей, горячей крови.

Я задрожала, не в силах сдержать тихий стон. Моя юбка-карандаш, разорванная во время побега, задралась высоко, открывая кружево чулок. Я знала, как выгляжу сейчас — порочная, сломанная кукла, бросившая вызов целому криминальному синдикату ради одного его взгляда.

Александр поднес палец, испачканный моей кровью, к своим губам. Его взгляд не отрывался от моих глаз, когда он медленно, смакуя, слизал красную каплю. Это было нечто большее, чем поцелуй. Это было причастие. Принятие моей жертвы.

— Ты истекаешь кровью ради меня, — прошептал он, и в его глазах вспыхнул темный, обжигающий огонь, который я так отчаянно хотела в нем разжечь. — Ты нарушила все мои приказы. Ты влезла в систему, которую я строил годами. Ты украла то, что могло стоить мне жизни. И при этом... ты принесла это мне.

Его рука скользнула выше, вдоль моего бедра, сминая тонкий нейлон чулка, обжигая кожу сквозь тонкое кружево подвязок. Мои бедра непроизвольно подались навстречу его ладони. Я сходила с ума от контраста: его левая рука ласкала меня с невыносимой, томительной нежностью, а в правой он все еще сжимал смертоносное оружие, отягощенное глушителем.

— Где она? — его шепот коснулся моего уха. Горячее дыхание обожгло мочку, заставив тысячу мурашек рассыпаться по позвоночнику. — Где флешка, моя маленькая воровка?

Я не могла говорить. Мое горло пересохло от желания. Я лишь слабо качнула головой и перевела взгляд на свою грудь. Разорванная шелковая блузка открывала глубокий вырез, где в ложбинке между налитыми, тяжело вздымающимися грудями прятался холодный металл носителя.

Взгляд Александра последовал за моим. Он отложил свой пистолет, положив его рядом с моим, прямо на залитый кровью ворс. Теперь его руки были свободны. Свободны для меня.

Он потянулся к моей блузке. Его движения были лишены спешки. Несмотря на то, что за дверями, где-то в недрах небоскреба, наемники продолжали свои поиски, здесь, под столом из черного дерева, время остановилось. Он расстегивал уцелевшие пуговицы одну за другой, растягивая пытку. Тонкий шелк скользнул по моим плечам, обнажая меня. Черное французское кружево бюстгальтера не могло скрыть затвердевших от холода и возбуждения сосков.

Его пальцы, прохладные и уверенные, скользнули в ложбинку. Но вместо того, чтобы сразу забрать флешку, он начал медленно обводить контуры моей груди. Металл маленького устройства царапал мою кожу под давлением его пальцев. Каждое движение было выверенным, заставляя меня извиваться, приглушенно стонать, выгибая спину, чтобы усилить контакт.

— Ты прятала ее здесь, согревая своим теплом, — пробормотал он, его губы оказались в миллиметре от моих. Я чувствовала запах сандала, мужского пота и легкий металлический привкус крови, которую он только что слизал со своего пальца. — Ты знала, что я сам заберу ее. Ты хотела, чтобы я вторгся в твоё пространство.

— Да... — сорвалось с моих губ, больше похожее на всхлип. — Я хотела... чтобы вы... чтобы ты...

— Тсс, — он прижал палец к моим приоткрытым, влажным губам. — Никаких слов. Твое тело уже сказала мне всё. Твоя непокорность в бизнесе оказалась лишь прелюдией к твоей абсолютной покорности здесь.

Он наконец подцепил флешку и медленно вытянул её из моего декольте. Металл скользнул по разгоряченной коже, оставив после себя ощущение пустоты. Александр небрежно бросил бесценное устройство, содержащее компромат на миллиарды долларов, в карман своего пиджака, словно это была безделушка. Сейчас для него существовала только я.

Его руки скользнули под мою спину и под колени. С пугающей легкостью он оторвал меня от пола. Боль в ноге вспыхнула с новой силой, но я вцепилась в его широкие плечи, утыкаясь лицом в изгиб его шеи. Он поднялся, держа меня на руках.

Красный аварийный свет выхватывал из темноты контуры его лица. Он подошел к огромному, от пола до потолка, окну, за которым бушевала гроза. Молния разорвала черное небо над Москвой-рекой, осветив нас ослепительной вспышкой.

Александр нежно, но с непреерекаемой властью опустил меня на свой массивный рабочий стол — алтарь его корпоративной империи. Моя спина коснулась прохладной поверхности красного дерева, сметая на пол какие-то папки и ручки. Мои ноги, дрожащие, в испачканных кровью чулках, бессильно свесились с края.

Он встал между моих бедер. Его руки легли на мои колени, медленно, неотвратимо раздвигая их шире. Я чувствовала себя абсолютно беззащитной, полностью открытой перед его изучающим, голодным взглядом. Вся моя былая гордость, вся спесь недоступной красавицы исчезли, сгорели в огне этого всепоглощающего подчинения.

— Я сказал, что ты — расходный материал, — произнес он, глядя, как вздымается моя грудь. Его рука скользнула по моему животу, забираясь под край разорванной юбки, туда, где от нетерпения и страха влага пропитала тонкое кружево белья. — Я ошибался. Ты — мой самый опасный актив. И прямо сейчас... я буду инвестировать в него всё, что у меня есть.

Его пальцы нашли то, что искали. Я выгнулась дугой, вскрикнув от ослепительного, пронзающего удовольствия, когда он грубо, но бесконечно чувственно вторгся в мою плоть. Боль в бедре, страх смерти, вой сирен где-то далеко внизу — всё это растворилось, исчезло, сменившись симфонией чистой, животной страсти. Я впились ногтями в его плечи, притягивая его к себе, навстречу губам, которые уже искали мой рот, чтобы заткнуть мой крик глубоким, властным и неистовым поцелуем, в котором смешались вкус крови, слез и абсолютной, торжествующей любви.

Глава 2.

Мой крик, тонкий, пронзительный и абсолютно животный, все еще вибрировал в спертom воздухе кабинета, сливаясь с рокотом грозы за панорамным окном. Я лежала на массивном столе из красного дерева, раскинув руки среди разбросанных документов и разбитых бокалов, тяжело, прерывисто дыша. Мое тело больше не принадлежало мне. Оно было разобрано на атомы и собрано заново его руками, его губами, его безжалостной, карающей и воскрешающей силой.

Каждая нервная клетка пульсировала, переполненная сладким, тягучим ядом абсолютного подчинения. Боль в простреленном бедре исчезла, растворившись в эндорфиновом цунами. Я чувствовала тяжесть Александра, нависшего надо мной. Его грудь вздымалась в такт моей, его горячий пот капал на мою ключицу, смешиваясь с моей кровью. Красный свет аварийной сигнализации скользил по его широким плечам, превращая его в древнего языческого бога, которому я только что принесла самую страшную и самую желанную жертву — свою волю.

В этот миг абсолютной, звенящей тишины, нарушаемой лишь нашим дыханием, я познала истинную философию Эроса. Истинная страсть — это не нежность шелковых простыней. Это готовность быть уничтоженной. Это наслаждение от того, что человек, способный стереть тебя в порошок одним движением, решает вместо этого погрузиться в твою плоть, забирая твою душу. Мы были связаны кровью, преступлением и оргазмом, который больше походил на маленькую смерть.

Александр медленно открыл глаза. Его взгляд, обычно напоминавший замерзшую ртуть, сейчас был темным, расширенным, полным первобытного голода, который он только что ненадолго утолил. Он провел тыльной стороной ладони по моей пылающей щеке, стирая влагу слез. Его губы дрогнули, собираясь произнести что-то, что, возможно, изменило бы всю мою жизнь, что-то, что навсегда стерло бы границу между «боссом» и «ассистентом».

Но мир, в котором мы находились, не прощал остановок. И уж тем более он не прощал уязвимости.

Стекло не просто разбилось. Оно взорвалось.

Звук был оглушительным, разрывающим барабанные перепонки. Тысячи осколков матового стекла брызнули в кабинет, сияя в красном свете сирен, как смертоносные бриллианты. За этим стеклянным дождем последовал глухой, ритмичный, механический рык — очередь из автоматического оружия с глушителем. Пули вспороли кожаную обшивку дивана, разнесли в щепки барную стойку и со свистом вонзились в деревянные панели стен всего в метре от нас.

Экстаз, который еще секунду назад наполнял каждую мою вену, был мгновенно выжжен ледяной кислотой животного ужаса. Реальность вторглась в наше святилище грязным сапогом наемника.

То, что произошло в следующие три секунды, навсегда отпечаталось на сетчатке моих глаз, став главным доказательством того, в кого я влюбилась.

Александр не вздрогнул. Он не издал ни звука испуга. Трансформация была настолько стремительной, что человеческий глаз едва мог её зафиксировать. Его тело, еще мгновение назад тяжелое, расслабленное и горячее от страсти, в долю секунды сжалось, превратившись в стальную пружину.

Одной рукой, с пугающей, почти жестокой силой, он сгреб меня за плечо и положил со стола вниз, в узкое пространство между массивной тумбой и окном. Я задела плечом о паркет, издав сдавленный вскрик. В то же мгновение, когда я падала в укрытие, вторая рука Александра, словно повинувшись собственной, независимой воле, скользнула к полу.

Его пальцы сомкнулись на рукояти SIG Sauer, который он отложил всего несколько минут назад ради того, чтобы овладеть мной.

Я, скорчившись на полу, зажимая рот дрожащей ладонью, чтобы не кричать, видела это снизу вверх. Это был извращенный, смертоносный балет. Александр не стал прятаться. Вместо этого он перекатился через стол, сбрасывая на пол оставшиеся папки, и, оказавшись на одном колене, вскинул оружие.

Его обнаженный торс, блестящий от пота и испачканный моей кровью, напрягся. Лицо снова превратилось в античную маску, лишенную эмоций, лишенную страха, лишенную всего человеческого. В дверном проеме, среди оседающей стеклянной пыли, возникли два силуэта в черной тактической экипировке. Стволы их пистолетов-пулеметов искали цель.

Они опоздали на долю секунды. Но в мире Александра Введенского эта доля секунды означала разницу между жизнью и смертью.

Пфф. Пфф.

Два сухих, сдавленных хлопка прозвучали в кабинете. Никакой голливудской стрельбы веером. Никаких лишних движений. Идеальная, геометрически выверенная смертоносность.

Первый наемник рухнул как подкошенный, его голова откинулась назад в брызгах темной жидкости. Вторая пуля Александра вошла точно в висок второго силуэта, прежде чем тот успел нажать на спуск. Тяжелое тело в кевларовой броне с грохотом повалилось на испорченный ковер, сминая под собой остатки стеклянной двери.

Тишина, рухнувшая на кабинет после этого, была плотной, звенящей и тошнотворной.

Я лежала на полу, тяжело дыша. Мои легкие горели. Запах сандала и мускуса, запах нашего с ним секса, который еще минуту назад кружил мне голову, теперь грубо смешался с едким, кислым запахом свежeproлитой крови. Это был аромат преисподней, в которую я добровольно спустилась.

Я смотрела на Александра. Он медленно поднялся в полный рост. Его грудь мерно вздымалась. Он бросил короткий, оценивающий взгляд на два трупа у входа, затем быстрым движением сбросил пустой магазин и вогнал новый, с холодным щелчком дослав патрон в патронник.

Только после этого он посмотрел вниз, на меня.

Я сидела в луже собственной крови, наполовину обнаженная, прикрывая грудь обрывками шелковой блузки. Мои волосы слиплись от пота, по щекам размазалась тушь. Я должна была чувствовать стыд. Я должна была биться в истерике, умоляя спасти меня. Но глядя в эти ледяные серые глаза хищника, убившего двух человек так же буднично, как он подписывал контракты, я почувствовала новую волну темного, тягучего возбуждения.

Грубое пробуждение состоялось. Романтика закончилась, но страсть лишь поменяла форму, перековавшись в нечто более прочное и страшное.

Александр подошел ко мне. Наклонившись, он протянул руку. Его пальцы, только что несущие смерть, были твердыми и уверенными.

— Вставай, — его голос звучал ровно, как и всегда на утренних брифингах, но теперь в нем лязгал металл. Никаких «моя смелая девочка». Время нежности истекло вместе с выстрелами.

Я вложила свою дрожащую ладонь в его руку. Он рывком поднял меня на ноги. Боль в простреленном бедре ударила с новой силой, заставив меня пошатнуться, но он удержал меня за талию, жестко прижав к себе.

Он свободной рукой дотянулся до своего сброшенного на пол пиджака. Быстро проверив внутренний карман, он убедился, что флешка — крошечный кусочек пластика и кремния, ради которого прямо сейчас на этаж поднималась армия убийц, — на месте. Затем он поднял с ковра мой оброненный «Глок», вытер его рукоять о свои брюки и вложил в мою руку.

Мои пальцы автоматически сомкнулись на теплой вороненой стали. Оружие было тяжелым. Оно было реальным.

— Синдикат знает, что мы здесь. Эти двое — только авангард, — Александр говорил быстро, почти шепотом, его губы находились в сантиметре от моего уха. — У нас есть полторы минуты, прежде чем штурмовая группа заблокирует лифты и перекроет лестницы.

Он отстранился на мгновение, чтобы заглянуть мне в глаза. В его взгляде больше не было снисхождения к секретарше. Он смотрел на меня как на равную, как на соучастника, который только что прошел кровавое крещение.

— Ты принесла мне ключи от их империи, Ева, — произнес он, и впервые я услышала в его голосе темное, жестокое торжество. — Теперь нам нужно выжить, чтобы забрать корону. Ты готова убивать за нее? За нас?

Я посмотрела на два труп в лужах крови. Я посмотрела на пистолет в своей руке. Затем я посмотрела на мужчину, ради которого разрушила свою прежнюю жизнь до основания.

Мой кивок был едва заметным, но он сказал всё. Эгоистичная красавица, жившая в мире глянцевого журналов и безопасного флирта, умерла на том столе из красного дерева. Та женщина, что стояла сейчас с оружием в руках, пахнущая сексом и порохом, была готова сжечь этот небоскреб дотла.

— Да, — прошептала я пересохшими губами.

Александр скупой улыбнулся — холодной, пугающей улыбкой. Он перехватил свой пистолет, развернулся к выбитой двери и шагнул в залитый красным аварийным светом коридор, перешагивая через мертвецов.

И я, хромая, оставляя на идеальном мраморе кровавые следы босых ног, шагнула вслед за ним во тьму.

Мы покинули пятьдесят четвертый этаж, переступая через трупы так же буднично, как еще вчера переступали через порог зала для заседаний. За нашими спинами остался разрушенный кабинет — мое роскошное, залитое неоновым светом чистилище, где я только что принесла в жертву свою прежнюю жизнь.

Красный пульсирующий свет аварийных сирен окрашивал коридоры башни «Меркурий» в цвета свежей артериальной крови. Идеально отполированный мрамор, по которому я целый год вышагивала на шпильках от Louboutin, неся папки с договорами и двойной эспрессо, теперь охлаждал мои босые ступни. Туфли остались где-то там, в прошлой жизни, вместе с моей наивностью и иллюзией безопасности.

Александр двигался впереди. В нем не было ни капли суеты. Его широкая спина в облегающей, испачканной кровью рубашке была моим единственным ориентиром в этом внезапно сузившемся, враждебном мире. Я следовала за ним, прихрамывая, оставляя на безупречном полу едва заметные красные отпечатки. В правой руке, тяжелой и чужой, я сжимала «Глок». Металл рукоятки нагрелся от моего пота, но сам ствол казался ледяным — как и реальность, в которую я проваливалась.

Мы нырнули в неприметную дверь без таблички, скрытую за декоративной панелью, и оказались в «кишках» небоскреба — паутине технических коммуникаций, о которых знали только инженеры и он, владелец этой империи. Здесь не было мрамора и кондиционированного воздуха с ароматом белого чая. Здесь пахло машинным маслом, старой пылью и железом.

— Стой, — его голос, тихий, но не терпящий возражений, разрезал полумрак.

Александр резко обернулся и прижал меня спиной к бетонной стене. Мое дыхание сбилось. Я посмотрела в его лицо — маску хищника, оценивающего состояние своей добычи. Его взгляд опустился к моему бедру, где сквозь разорванный шелк юбки и кружево чулка продолжала сочиться кровь.

Не говоря ни слова, он стянул с шеи свой галстук — кусок идеального итальянского шелка стоимостью в мою месячную зарплату. Быстрым, безжалостно-точным движением он обернул его вокруг моей ноги, чуть выше раны, и с силой затянул узел.

Я задохнулась от резкой вспышки боли, инстинктивно впившись ногтями в его плечо. Но крик так и не сорвался с моих губ. Боль, причиненная его руками, была странным образом сладостна. Она отрезвляла и пьянила одновременно. Этот галстук, туго стянувший мою плоть, казался мне теперь не кровоостанавливающим жгутом, а ошейником, клеймом его абсолютной власти надо мной.

— Терпи, — одними губами произнес он, глядя, как мои зрачки расширяются от боли и подступающего темного возбуждения. — Если оставишь кровавый след на бетоне, они найдут нас через десять минут. Перевязав мою ногу окончательно, мы двинулись дальше.

Он отстранился так же резко, как и приблизился. Спускаться по лестницам было нельзя — гулкие удары подкованных ботинок наемников Синдиката, прочесывающих этажи, эхом разносились по бетонным колодцам. Они искали нас. Они искали флешку, которая сейчас жгла грудь Александра во внутреннем кармане его пиджака.

Мы уперлись в тупик — тяжелые металлические створки служебного лифта. Александр вставил пальцы в узкую щель и, напрягшись так, что под ткань рубашки вздулись канаты мышц, с глухим скрежетом раздвинул двери.

Нас обдало ледяным, затхлым ветром из черной бездны. Шахта лифта уходила вниз на десятки этажей, в абсолютную, непроглядную тьму, напоминающую пасть гигантского левиафана. Там, внизу, переплетались стальные тросы, кабели и массивные противовесы. Это был не просто путь к спасению. Это был спуск в преисподнюю.

— Лестница справа, — скомандовал он.

Он шагнул в пустоту первым, легко перемахнув через край и уцепившись за скобы, вмурованные в бетон. Я сглотнула вставший в горле ком ужаса. Я панически боялась высоты. Но остаться здесь, без него, было страшнее смерти. Заткнув пистолет за пояс разорванной юбки, я перелезла через край шахты.

Спуск был пыткой. Мои руки дрожали, сдирая кожу о ржавый металл скоб. Раненая нога горела адским огнем, каждое движение отдавалось пульсацией в висках. Я не смотрела вниз. Я смотрела только на него — на его плечи, на его руки, уверенно перехватывающие металл. Я спускалась в ад, ведомая своим личным дьяволом.

Где-то на уровне сорокового этажа моя ступня, скользкая от собственной крови, сорвалась с узкой ступени.

Я полетела вниз с приглушенным вскриком, ожидая, что через несколько секунд моя жизнь закончится на бетонном дне башни. Но падение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Стальная хватка сомкнулась на моем запястье с такой силой, что хрустнули суставы. Я повисла над пропастью. Подо мной была километровая чернота. Надо мной — лицо Александра. Его глаза горели во тьме диким, нечеловеческим напряжением. Одной рукой он держался за скобу, другой — удерживал на весу всё мое тело.

Он рывком, демонстрируя пугающую физическую силу, втащил меня на узкую техническую решетку, нависшую над шахтой. Я рухнула на металлический настил, задыхаясь, колотясь в крупной дрожи. Мое сердце билось о ребра как обезумевшая птица. Я попыталась отползти от края, но Александр не позволил.

Он опустился на колени передо мной, вжал меня спиной в холодный бетон стены и перехватил мое лицо обеими руками. Его пальцы, жесткие и требовательные, впелись в мои щеки. В тусклом свете далекого аварийного фонаря его глаза были чернее самой шахты.

— Посмотри на меня, Ева, — его голос вибрировал низкими, бархатными частотами, пробирая до самых костей. — Посмотри внимательно.

Я подняла на него глаза, полные слез, боли и безграничной, фанатичной любви.

— Наверху остался мир, в котором ты была гражданской, — произнес он, и каждое слово падало между нами как тяжелый камень. — Там ты была красивой девочкой. Идеальной кар-

тинкой. Там ты пила латте на миндальном молоке, сплетничала с подругами и плакала из-за сломанного ногтя. Там ты была в безопасности.

Он наклонился ближе, его губы почти касались моих. Запах его кожи дурманил, смешиваясь с запахом страха и машинного масла.

— Если ты сейчас скажешь «стоп», я найду способ вытащить тебя из здания. Я переведу деньги на твой счет, и ты исчезнешь. Синдикат не будет искать обычную секретаршу. Ты вернешься к своей нормальной жизни. И больше никогда меня не увидишь.

Мое дыхание остановилось. Сама мысль о том, что я больше не увижу его, что я вернусь в ту пресную, пластиковую реальность без его ледяного взгляда, без его разрушительной власти, причинила мне боль в тысячу раз сильнее, чем простреленная нога.

— Но, если мы спустимся ниже этой решетки... — его голос стал тише, перейдя в опасный, гипнотический шепот. Он опустил руку и вытащил из-за моего пояса «Глок». Он вложил пистолет в мою ладонь, а затем обхватил мою руку своей, направляя дуло в кромешную тьму под нами. — Если ты пойдешь со мной дальше, пути назад не будет. Ты перестанешь быть жертвой. Ты станешь моей соучастницей. Моей тенью. Моим оружием.

Его большой палец медленно, почти ласково погладил мою дрожащую руку, сжимающую пистолет.

— В моем мире нет места невинности, Ева. В нем царят кровь, предательство и смерть. Если ты спустишься со мной в эту бездну, тебе придется нажимать на курок. Тебе придется убивать тех, кто захочет убить меня. Ты больше не будешь принадлежать себе. Ты будешь принадлежать мне. И моей империи. До самого конца.

Он замолчал, глядя на меня в ожидании. Это была Точка Невозврата. Мой личный Рубикон.

Я посмотрела на пистолет в своей руке. Еще утром я бы упала в обморок от одного его вида. Теперь его тяжесть казалась мне правильной. Естественной. Я посмотрела на кровь, пропитавшую его галстук на моем бедре — стигматы моей новой религии.

Иллюзия нормальности рухнула. Я поняла, что никогда по-настоящему не любила ту безопасную жизнь на поверхности. Моя красота была лишь маской, за которой скрывалась тьма, жаждущая, чтобы её выпустили наружу. И этот мужчина — безжалостный, властный, балансирующий на грани жизни и смерти — стал моим ключом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.